

Михаил Булгаков Похождения Чичикова

Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом

*– Держи, держи, дурак!¹ – кричал
Чичиков Селифану.
– Вот я тебя палашом! – кричал
скакавший навстречу фельдъегерь,
с усами в аршин. – Не видишь,
леший дери твою душу, казенный
экипаж.*

ПРОЛОГ

Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью: «Мертвые души», шутник сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница.

Манилов в шубе на больших медведях, Ноздрев в чужом экипаже, Держиморда на пожарной трубе, Селифан, Петрушка, Фетинья...

А самым последним тронулся он – Павел Иванович Чичиков – в знаменитой своей бричке.

И двинулась вся ватага на Советскую Русь, и произошли в ней тогда изумительные происшествия. А какие – тому следуют пункты...

I

Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам, Чичиков ругательски ругал Гоголя:

– Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величистой! Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. Ведь, ежели узнают, что я Чичиков, натурально, в два счета выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни Бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...

И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал.

Все решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы, и даже их как будто сделалось больше, но были и некоторые измененьца. Так, например, вместо вывески «Гостиница» висел плакат с надписью: «Общежитие № такой-то», и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел.

– Комнату!

– Ордер пожалте!

Ни одной секунды не смутился гениальный Павел Иванович.

– Управляющего!

Трах! Управляющий – старый знакомый: дядя Лысый Пимен, который некогда держал «Акульку»², а теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, бальзамами и, конечно, с проститутками. Гость и управляющий облобызались, шушукнулись, и дело уладилось вмиг без всякого ордера. Закусил Павел Иванович чем Бог послал и полетел устраиваться на службу.

---

¹ – Держи, держи, дурак!.. – из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (т. I, гл. XI).

²...дядя Лысый Пимен, который некогда держал «Акульку»... – опять-таки персонаж из «Мертвых душ» (т. II, гл. I), державший в деревне кабак под названием «Акулька».

II

Являлся всюду и всех очаровал поклонами несколько набок и колоссальной эрудицией, которой всегда отличался.

– Пишите анкету.

Дали Павлу Ивановичу анкетный лист в аршин длиной, и на нем сто вопросов самых каверзных³: откуда, да где был, да почему?..

Пяти минут не просидел Павел Иванович и исписал анкету кругом. Дрогнула только у него рука, когда подавал ее.

«Ну, – подумал, – прочитают сейчас, что я за сокровище, и...»

И ничего ровно не случилось.

Во-первых, никто анкету не читал, во-вторых, попала она в руки к барышне-регистраторше, которая распорядилась ею по обычаю: провела вместо входящего по исходящему и затем немедленно ее куда-то засунула, так что анкета как в воду канула.

Ухмыльнулся Чичиков и начал служить.

III

А дальше пошло легче и легче. Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит. Полетел в учреждение, где пайки-де выдают, и слышит:

– Знаю я вас, скалдырников: возьмете живого кота, обдерете, да и даете на паек! А вы дайте мне бараний бок с кашей. Потому что лягушку вашу пайковую мне хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и гнилой селедки тоже не возьму!

Глянул – Собакевич.

Тот, как приехал, первым долгом двинулся паек требовать. И ведь получил! Съел и надбавки попросил. Дали. Мало! Тогда ему второй отвалили; был простой – дали ударный. Мало! Дали какой-то бронированный. Слопал и еще потребовал. И со скандалом потребовал! Обругал всех хриstopродавцами, сказал, что мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет и что есть один только порядочный человек – делопроизводитель, да и тот, если сказать правду, – свинья!

Дали академический⁴.

Чичиков лишь увидел, как Собакевич пайками орудует, моментально и сам устроился. Но, конечно, превзошел и Собакевича. На себя получил, на несуществующую жену с ребенком, на Селифана, на Петрушку, на того самого дядю, о котором Бетрищеву рассказывал, на старуху мать, которой на свете не было. И всем академические. Так что продукты к нему стали возить на грузовике.

А наладивши таким образом вопрос с питанием, двинулся в другие учреждения получать места.

Пролетая как-то раз в автомобиле по Кузнецкому, встретил Ноздрева. Тот первым долгом сообщил, что он уже продал и цепочку, и часы. И точно, ни часов, ни цепочки на нем не было. Но Ноздрев не унывал. Рассказал, как повезло ему на лотерее, когда он выиграл полфунта постного масла, ламповое стекло и подметки на детские ботинки, но как ему потом не повезло и он,

---

³ – *Пишите анкету... сто вопросов самых каверзных...* – Несомненно, Булгаков обыгрывает ситуацию с заполнением анкет при поступлении на работу в Лито Главполитпросвета (см.: *Янгиров Р. М. А. Булгаков – секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 227-229*). Характерен ответ Булгакова на вопрос: «Ваш взгляд на современную эпоху» – «Эпоха великой перестройки». Между тем в своем дневнике (запись 26 декабря 1924 г.) Булгаков на этот вопрос ответил так: «...нынешняя эпоха, это эпоха сведения счетов...»

⁴ *Дали академический.* – В сохранившихся отрывках дневника писателя за 1922 г. (9 февраля) имеется такая запись: «Мы с женой голодаем... Ученый проф. Ч. широкой рукой выкидывает из списков, получающих академический паек, всех актеров, вундеркиндов (сын Мейерхольда получал академический паек!)...»

каналство, еще своих шестьсот миллионов доложил. Рассказал, как предложил Внешторгу поставить за границу партию настоящих кавказских кинжалов. И поставил. И заработал бы на этом тьму, если б не мерзавцы англичане, которые увидели, что на кинжалах надпись: «Мастер Савелий Сибиряков», и все их забраковали. Затащил Чичикова к себе в номер и напоил изумительным, якобы из Франции полученным коньяком, в котором, однако, был слышен самогон во всей его силе. И, наконец, до того довался, что стал уверять, что ему выдали восемьсот аршин мануфактуры, голубой автомобиль с золотом и ордер на помещение в здании с колоннами. Когда же зять его Мижухев выразил сомнение, обругал его, но не Софроном, а просто сволочью.

Одним словом, надоел Чичикову до того, что тот не знал, как и ноги от него унести.

Но рассказы Ноздрева навели его на мысль и самому заняться внешней торговлей.

IV

Так он и сделал. И опять анкету написал, и начал действовать, и показал себя во всем блеске. Баранов в двойных тулупах водил через границу, а под тулупами брабантские кружева; бриллианты возил в колесах, дышлах, в ушах и невесть в каких местах.

И в самом скором времени очутились у него около пятисот апельсинов капиталу⁵.

Но он не унялся, а подал куда следует заявление, что желает снять в аренду некое предприятие, и расписал необыкновенными красками, какие от этого государству будут выгоды.

В учреждении только рты расстепугали – выгода действительно выходила колоссальная. Попросили указать предприятие. Извольте. На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря⁶, перейдя улицу, и называется «Пампуш на Твербуле⁷». Послали запрос куда следует, есть ли там такая штука. Ответили:

– Есть и всей Москве известна.

– Прекрасно.

– Подайте техническую смету.

У Чичикова смета уже за пазухой.

Дали в аренду.

Тогда Чичиков, не теряя времени, полетел куда следует:

– Аванс пожалте.

– Представьте ведомость в трех экземплярах с надлежащими подписями и приложением печатей.

Двух часов не прошло, представил и ведомость. По всей форме. Печатей столько, как в небе звезд. И подписи налицо.

За заведующего – Неуважай-Корыто.

За секретаря – Кувшинное Рыло.

За председателя тарифно-расценочной комиссии – Елизавета Воробей⁸.

⁵...около пятисот апельсинов капиталу. – В своих фельетонах Булгаков миллион именуется «лимоном» (на жаргоне тех и последующих лет). Значит, в данном случае речь идет о миллиардах, эквивалентных «апельсинам».

⁶...против Страстного монастыря... – Страстной монастырь был построен в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем во имя Страстной иконы Божией Матери. Хотя монастырь был упразднен в 1919 г., Булгаков почти всю свою жизнь мог любоваться этим красивейшим сооружением (разрушен в 1937 г.).

⁷...«Пампуш на Твербуле». – Булгаков иронизирует над практиковавшимися в то время всевозможными аббревиатурами. «Пампуш на Твербуле» – памятник Пушкину на Тверском бульваре, стоявший прямо напротив Страстного монастыря. В 1950 г. памятник Пушкину был передвинут на устроенную на месте монастыря обширную площадь.

⁸...Елизавета Воробей. – Когда в 1934 г. Булгакову вместе с женой Е. С. Булгаковой было отказано в поездке за границу, он написал печальное письмо В. В. Вересаеву, в котором были и такие строки: «Самые трезвые люди на свете – это наши мхатчики... Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта, включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру – катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта от-

– Верно. Получите ордер.

Кассир только крякнул, глянув на итог.

Расписался Чичиков и на трех извозчиках увез дензнаки.

А затем в другое учреждение:

– Пожалте подтоварную ссуду.

– Покажите товары.

– Сделайте одолжение. Агента позвольте.

– Дать агента!

ТЬфу! И агент знакомый: Ротозей Емельян.

Забрал его Чичиков и повез. Привез в первый попавшийся подвал и показывает. Видит Емельян – лежит несметное количество продуктов.

– М-да... И все ваше?

– Все мое.

– Ну, – говорит Емельян, – поздравляю вас в таком случае. Вы даже не миллионщик, а трильонщик!

А Ноздрев, который тут же с ними увязался, еще подлил масла в огонь.

– Видишь, – говорит, – автомобиль в ворота с сапогами едет? Так это тоже его сапоги.

А потом вошел в азарт, потащил Емельяна на улицу и показывает:

– Видишь магазины? Так это все его магазины. Все, что по эту сторону улицы, – все его. А что по ту сторону – тоже его. Трамвай видишь? Его. Фонари?.. Его. Видишь? Видишь?

И вертит его во все стороны.

Так что Емельян взмолился:

– Верю! Вижу... Только отпусти душу на покаяние.

Поехали обратно в учреждение.

Там спрашивают:

– Ну, что?

Емельян только рукой махнул.

– Это, – говорит, – неопишимо!

– Ну, раз неопишимо – выдать ему $n + 1$ миллиардов.

V

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой издохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и, войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вехи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса.

И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков – трильонщик. Учреждения начали рвать его к себе нарасхват в спецы. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в «Ампире»⁹.

крыть, как я уже взялся за сердце. Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку – М. А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!»

⁹...и ужинал в «Ампире». – Об этом ресторане для богатых так писал близко знакомый с Булгаковым по Лито и «Гудку» Арон Эрлих: «В Петровских линиях открылся шикарнейший ресторан с музыкой, с ежевечерними представлениями эстрадных танцовщиков, певцов и декламаторов, с самыми лучшими поварами Москвы, с изысканной сервировкой... который могут посещать только не стесняющиеся в средствах валютчики и спекулянты, торгаши и

VI

Но вдруг произошел крах.

Погубил же Чичикова, как правильно предсказал Гоголь, Ноздрев, а прикончила Коробочка. Без всякого желания сделать ему пакость, а просто в пьяном виде Ноздрев разболтал на бегах и про деревянные опилки, и о том, что Чичиков снял в аренду несуществующие предприятия, и все это заключил словами, что Чичиков жулик и что он бы его расстрелял.

Задумалась публика, и, как искра, побежала крылатая молва.

А тут еще дура Коробочка вперлась в учреждение расспрашивать, когда ей можно будет в Манеже булочную открыть. Тщетно уверяли ее, что Манеж – казенное здание и что ни купить его, ни что-нибудь открывать в нем нельзя, – глупая баба ничего не понимала.

А слухи о Чичикове становились все хуже и хуже. Начали недоумевать, что такое за птица этот Чичиков и откуда он взялся. Появились сплетни, одна другой зловещее, одна другой чудовищней. Беспокойство вселилось в сердца. Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения – в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения – в жилотдел, жилотдел – в Наркомздрав, Наркомздрав – в Главкустпром, Главкустпром – в Наркомпрос, Наркомпрос – в Пролеткульт и т. д.

Кинулись к Ноздреву. Это, конечно, было глупо. Все знали, что Ноздрев лгун, что Ноздреву нельзя верить ни в одном слове. Но Ноздрева призвали, и он ответил по всем пунктам.

Объявил, что Чичиков действительно взял в аренду несуществующее предприятие и что он, Ноздрев, не видит причины, почему бы не взять, ежели все берут. На вопрос: уж не белогвардейский ли шпион Чичиков, ответил, что шпион и что его недавно хотели даже расстрелять, но почему-то не расстреляли. На вопрос: не делатель ли Чичиков фальшивых бумажек, ответил, что делатель, и даже рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что правительство хочет выпускать новые знаки, Чичиков снял квартиру в Марьиной роще и выпустил оттуда фальшивых знаков на восемнадцать миллиардов и при этом на два дня раньше, чем вышли настоящие, а когда туда нагрянули и опечатали квартиру, Чичиков в одну ночь перемешал фальшивые знаки с настоящими, так что потом сам черт не мог разобраться, какие знаки фальшивые, а какие настоящие. На вопрос: точно ли Чичиков обменял свои миллиарды на бриллианты, чтобы бежать за границу, Ноздрев ответил, что это правда и что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, а если бы не он, ничего бы и не вышло.

После рассказов Ноздрева полнейшее уныние овладело всеми. Видят, никакой возможности узнать, что такое Чичиков, нет. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не нашелся среди всей компании один. Правда, Гоголя он тоже, как и все, и в руки не брал, но обладал маленькой долей здравого смысла.

Он и воскликнул:

– А знаете, кто такой Чичиков?

И когда все хором грянули:

– Кто?!

Он произнес гробовым голосом:

– Мошенник.

VII

Тут только и осенило всех. Кинулись искать анкету. Нету. По входящему. Нету. В шкапу – нету. К регистраторше.

– Откуда я знаю? У Иван Григорьича.

К Иван Григорьичу.

предприниматели, преуспевающие нэпманы...» (*Эрлих А. И.* Нас учила жизнь. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 34). Затем ресторан получил новое название – «Будапешт».

– Где?

– Не мое дело. Спросите у секретаря, и т. д. и т. д.

И вдруг неожиданно в корзине для ненужных бумаг – она.

Стали читать и обомлели.

Имя? Павел. Отчество? Иванович. Фамилия? Чичиков. Звание? Гоголевский персонаж. Чем занимался до революции? Скупкой мертвых душ. Отношение к воинской повинности? Ни то ни се¹⁰, ни черт знает что. К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому – неизвестно). Был ли под судом? Волнистый зигзаг. Адрес? Поворотя во двор, в третьем этаже направо, спросить в справочном бюро штаб-офицершу Подточину, а та знает.

Собственноручная подпись? Обмокни!

Прочитали и окаменели.

Крикнули инструктора Бобчинского:

– Катись на Тверской бульвар в арендуемое им предприятие и во двор, где его товары, может, там что откроется!

Возвращается Бобчинский. Глаза круглые.

– Чрезвычайное происшествие!

– Ну!!

– Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а «АРА».

Тут все взвыли:

– Святители угодники! Вот так гусь! А мы ему миллиарды!! Выходит, теперича ловить его надо.

И стали ловить.

VIII

Пальцем в кнопку ткнули.

– Кульера.

Отворилась дверь, и предстал Петрушка. Он от Чичикова уже давно отошел и поступил курьером в учреждение.

– Берите немедленно этот пакет и немедленно отправляйтесь.

Петрушка сказал:

– Слушаю-с.

Немедленно взял пакет, немедленно отправился и немедленно его потерял.

Позвонили Селифану в гараж:

– Машину. Срочно.

– Чичас.

Селифан встрепнулся, закрыл мотор теплыми штанами, натянул на себя куртку, вскочил на сиденье, засвистел, загудел и полетел.

Какой же русский не любит быстрой езды?!

Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина. Селифан в течение одной терции времени¹¹ избрал второе, от трамвая увернулся и, как вихрь, с воплем: «Спасите!» – въехал в магазин через окно.

¹⁰ Чем занимался до революции?.. Отношение к воинской повинности? Ни то ни се... – Если бы сотрудники ОГПУ, осуществлявшие обыск у Булгаковых и допрос писателя в 1926 г., поинтересовались анкетой, заполненной Булгаковым в Лито, то они оказались бы примерно в таком же положении, как и ищейки Чичикова. На вопросы об участии в мировой войне, в военных действиях после революции, в боях на стороне белых и т. д. Булгаков ответил красноречивым прочерком. А на самый «популярный» с точки зрения определения неблагонадежности граждан вопрос о социальном положении до 1917 г. Булгаков лаконично ответил: «Студент» (Янгиров Р. С. 228).

¹¹ ...в течение одной терции времени... – Терция – шестидесятая часть секунды.

Тут даже у Тентетникова, который заведовал всеми селифанами и петрушками, лопнуло терпение:

– Уволить обоих к свиньям!

Уволили. Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на место Петрушки – плюшкинского Прошку, на место Селифана – Григория Доезжай-не-Доедешь. А дело тем временем кипело дальше!

– Авансовую ведомость!

– Извольте!

– Попросите сюда Неуважая-Корыто.

Оказалось, попросить невозможно. Неуважая месяца два тому назад вычистили из партии, а уже из Москвы он и сам вычистился сейчас же после этого, так как делать ему в ней было решительно нечего.

– Кувшинное Рыло?

– Уехал куда-то на кулички инструктировать губотдел.

Принялись тогда за Елизавету Воробья. Нет такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощник заместителя младшего делопроизводителя замзавподотдел Воробей, но он не Елизавета!

Прицепились к машинистке:

– Вы?!

– Ничего подобного! Почему это я? Здесь Елизавета с твердым знаком, а разве я с твердым? Совсем наоборот...

И в слезы. Оставили в покое.

А тем временем, пока возились с Воробьем, правозаступник Самосвистов дал знать Чичикову стороной, что по делу началась возня, и, понятно, Чичикова и след простыл.

И напрасно гоняли машину по адресу: поворотя направо, никакого, конечно, справочного бюро не оказалось, а была там заброшенная и разрушенная столовая общественного питания. И вышла к приехавшим уборщица Фетинья и сказала, что «никого нетути».

Рядом, правда, поворотя налево, нашли справочное бюро, но сидела там не штаб-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумеется, не знала не только чичиковского адреса, но даже и своего собственного.

IX

Тогда напало на всех отчаяние. Дело запуталось до того, что и черт бы в нем никакого вкучу не отыскал. Несуществующая аренда перемешалась с опилками, брабантские кружева с электрификацией, Коробочкина покупка с бриллиантами. Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панاما с пайками Собакевича. И пошла писать губерния!

Самосвистов работал не покладая рук и впутал в общую кашу и путешествия по сундукам и дело о подложных счетах за разезды (по одному ему оказалось замешано до пятидесяти тысяч лиц) и проч. и проч. Словом, началось черт знает что. И те, у кого миллиарды из-под носа выписали, и те, кто их должен был отыскать, метались в ужасе, и перед глазами был только один непреложный факт: миллиарды были и исчезли.

Наконец встал какой-то дядя Митяй и сказал:

– Вот что, братцы... Видно, не миновать нам следственную комиссию назначить.

X

И вот тут (чего во сне не увидишь!) вынырнул, как некий Бог на машине, я и сказал:

– Поручите мне.

Изумились:

– А вы... того... сумеете?

А я:

– Будьте покойны.

Поколебались. Потом – красным чернилом: «Поручить».

Тут я и начал (в жизнь не видел приятнее сна!).

Полетели со всех сторон ко мне тридцать пять тысяч мотоциклистов.

– Не угодно ли чего?

А я им:

– Ничего не угодно. Не отрывайтесь от ваших дел. Я сам справлюсь. Единолично.

Набрал воздуха и гаркнул так, что дрогнули стекла:

– Подать мне сюда Ляпкина-Тяпкина! Срочно! По телефону подать!

– Так что подать невозможно... телефон сломался.

– А-а! Сломался! Провод оборвался? Так, чтоб он даром не мотался, повесить на нем того, кто докладывает!!

Батюшки! Что тут началось!

– Помилуйте-с... что вы-с... Сию... хе-хе... минутку... Эй! Мастеров! Проволоки! Сейчас починят!

В два счета починили и подали.

И я рванул дальше:

– Тяпкин? М-мерзавец! Ляпкин? Взять его, прохвоста! Подать мне списки! Что? Не готовы? Приготовить в пять минут, или вы сами очутитесь в списках покойников! Э-э-то кто?! Жена Манилова – регистраторша? В шею! Улинька Бетрищева – машинистка? В шею! Собакевич? Взять его! У вас служит негодяй Мурзофейкин? Шуллер Утешительный? Взять!! И того, кто их назначил, – тоже! Схватить его! И его! И этого! И того! Фетинью вон! Поэта Тряпичкина, Селифана и Петрушку в учетное отделение! Ноздрева в подвал... В минуту! В секунду!! Кто подписал ведомость? Подать его, каналью!! Со дна моря достать!!

Гром пошел по пеклу...

– Вот черт налетел! И откуда такого достали?!

А я:

– Чичикова мне сюда!!

– Н... н... невозможно сыскать. Они скрымшились...

– Ах, скрымшились? Чудесно! Так вы сядете на его место.

– Помил...

– Молчать!!

– Сию минуточку... Сию... Повремените секундочку. Ищут-с.

И через два мгновения нашли!

И напрасно Чичиков валялся у меня в ногах, и рвал на себе волосы и френч, и уверял, что у него нетрудоспособная мать.

– Мать?! – гремел я. – Мать?.. Где миллиарды? Где народные деньги?! Вор!! Взрезать его, мерзавца! У него бриллианты в животе!

Вскрыли его. Тут они.

– Все?

– Все-с.

– Камень на шею – и в прорубь!

И стало тихо и чисто.

И я по телефону:

– Чисто.

А мне в ответ:

– Спасибо. Просите, чего хотите.

Так я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложил в трубку все сметные предположения, которые давно уже терзали меня: «Брюки... фунт сахару... лампу в двадцать пять свечей...»

Но вдруг вспомнил, что порядочный литератор должен быть бескорыстен, увял и пробор-

мотал в трубку:

– Ничего, кроме сочинений Гоголя в переплете, каковые сочинения мной недавно проданы на толкучке.

И... бац! У меня на столе золотообрезный Гоголь!

Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не раз утешал меня в хмурые бессонные ночи, до того, что рявкнул:

– Ура!

И...

ЭПИЛОГ

...конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева, и, главное, ни Гоголя...

«Эх-хе-хе», – подумал я себе и стал одеваться, и вновь пошла передо мной по-будничному щеголять жизнь.

Комментарии. В. И. Лосев ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА

Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом

Впервые – «Литературное приложение» к газете «Накануне» (1922. № 19. 24 сентября). С подписью: «Михаил Булгаков».

При жизни писателя повесть переиздана в газете «Бакинский рабочий» (1922. 9 октября) и в сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М.: Недра, 1925; то же, 1926.

Печатается по сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М., 1926.

Часто в произведениях Булгакова вся суть задуманного прочитывается в двух-трех начальных фразах, а затем следует лишь детализация. Вот и в повести-гротеске «Похождения Чичикова» достаточно взглянуть на первые слова «Пролога», чтобы увидеть весь трагический смысл этого, казалось бы, чрезвычайно веселого сочинения. Шутник-сатана открыл двери ада, и вся его рать-ватага ринулась в Россию... И что же может произойти со страной, в которой хозяйничают слуги дьявола?

«Пролог» к этому сочинению важен еще и потому, что является своеобразным ключом, с помощью которого можно открыть сокровищницу, хранящую все творческое наследие Булгакова.